

Отрывок из книги Г. Раушнинга⁴ «Говорит Гитлер. Зверь из бездны» о внешнеполитических устремлениях А. Гитлера

(...) Это было в начале 1934-го. Гитлер возвратился в Берлин из Берхтесгадена. Мне наконец представился случай доложить ему о результатах моего визита к маршалу Пилсудскому⁵. Гитлер принял меня очень дружелюбно и вынес мне благодарность за все, что я «сделал в интересах Германского Рейха». Он внимательно слушал меня и поначалу не делал никаких замечаний. Время от времени он задавал мне вопросы.

Заключение германско-польского пакта⁶, что бы там не говорили критики из числа буржуазных националистов и военных, существенно облегчало положение Германии. Этот пакт мог бы положить начало созданию обширной Германской Федерации. Так называемые посвященные считали, что пакт продержится до тех пор, пока Германия сможет наконец, не опасаясь удара с Запада, отобрать у Польши бывшие прусские земли. Но и это «истинное» намерение Гитлера могло оказаться всего лишь слухом, распространяемым для успокоения партийных кругов. Гитлер охотно прибегал к камуфляжу — как в международных отношениях, так и в отношениях со своей собственной партией...

(...) Потом он снова задумался и продолжил: «Во всяком случае, я дам полякам шанс. Мне кажется, они реалисты и относятся к демократам точно так же, как и мы. Но пусть эти господа будут великодушны. Только тогда они могут рассчитывать на великодушные с моей стороны». Гитлер спросил, готова ли Польша обменять некоторые области на равноценные области Германии. Я ответил, что не стоит начинать отношения с Польшей с такого вопроса — напротив, следует наладить отношения, и тогда этот вопрос решится сам собой. Гитлер никак не отреагировал на мои слова. «Борьба с Версальским договором — это только средство, а не цель моей политики, — продолжил он свою мысль. — Прежние границы Рейха меня не интересуют. Восстановление довоенных размеров Германии — не та задача, которая может оправдать нашу революцию».

- Вы собираетесь объединиться с Польшей и напасть на Россию? — спросил я.
- Вполне возможно, — ответил он.
- Разве не это вы имели в виду?
- Советская Россия — это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать.

Я возразил, что поляки вряд ли согласятся принять русские территории в качестве компенсации за свои западные, если им не предложат тех земель, которые их безусловно интересуют. Они вряд ли удовлетворятся одной лишь Белоруссией. Им нужны Прибалтика и Причерноморье.

⁴ Раушнинг Г. (1887–?) В начале 1930-х гг. глава сената г. Данцига. Входил в круг лиц близких к Гитлеру. После конфликта с руководителем данцигских национал-социалистов уехал во Францию.

⁵ Пилсудский Ю. (1867–1935), политический и военный деятель Польши. 1918–1922 «начальник (диктатор) государства». 1926–1928 и 1930 гг. премьер-министр Польши.

⁶ Имеется в виду германо-польский пакт о ненападении, заключенный 26 января 1934 г.

— Об Украине пусть и не мечтают, — прервал меня Гитлер (...)

— Все договоры с Польшей имеют лишь временную ценность. Я вовсе не собираюсь добиваться взаимопонимания с поляками. Мне нет нужды делить власть с кем бы то ни было. — Гитлер в молчании прошелся по кабинету. — В любой момент я могу найти общий язык с Советской Россией. Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом. Но я этого не хочу. Это будет слишком дорого стоить. Я не стану делать этого, пока я могу без этого обойтись. Польша нужна мне до тех пор, пока существует угроза с Запада.

— Вы всерьез собираетесь выступить против западных государств? — спросил я.
Гитлер встал как вкопанный.

— А зачем же мы вооружаемся?

Я сказал, что агрессия в западном направлении определенно вызовет создание мощной антигерманской коалиции, и мы просто не сможем с нею справиться.

— Именно в том и состоит моя задача: предотвратить это, продвигаясь постепенно, шаг за шагом, так, чтобы никто не мог помешать нашему продвижению. Каким образом все это получится, я еще не знаю. Но я, безусловно, добьюсь своего — порукой тому нерешительность Англии и внутренняя разобщенность Франции... — Он сказал, что едва ли доживет до новой англо-германской войны. — Англии нужна сильная Германия. Англия и Франция никогда больше не объединятся, чтобы воевать против Германии.

— Вы собираетесь прорвать линию Мажино? — спросил я. — Или вы пойдете через Голландию и Бельгию? В последнем случае Англия наверняка вступится за французов.

— Если успеет, — ответил Гитлер. — Впрочем, я не собираюсь ни прорывать линию Мажино, ни устраивать поход через Бельгию. Я вытряхну Францию из линии Мажино, не потеряв при этом ни одного солдата... У меня есть одно тайное средство, — продолжал он, заметив мой скептицизм. — Я, конечно же, сделаю все возможное, чтобы не дать Англии и Франции сговориться между собой. Если мне удастся склонить на нашу сторону Англию и Италию, то первый этап нашей борьбы за власть пойдет очень легко. Вообще-то здесь нечего бояться: все эти запархатевшие демократические республики так же нежизнеспособны, как Франция или США. Моя задача — попытаться без конфликтов овладеть наследством этих разваливающихся империй. Но я не испугаюсь, если придется воевать с Англией. Я смогу сделать то, что не доделал Наполеон. Для нас не существует никаких островов. Я высажусь в Англии. Я буду уничтожать ее города обстрелами с материка. Англия еще не знает, насколько она уязвима.

— А если Англия и Франция объединятся с Россией?

— Тогда мне просто придет конец. Если мы не сможем победить, мы погибнем — но мы захватим с собой полмира, и никто не будет радоваться победе над Германией. 1918-й больше не повторится. Мы не капитулируем.

Гитлер остановил и умерил свой пыл: — Но этого никогда не случится. Иначе я был бы просто неудачником, который зря занимает этот кабинет» (...).

Если немецкий народ хочет быть глобальным народом, а не населением государства на европейском континенте — а он непременно должен стать глобальным народом, чтобы выстоять в борьбе, — то он должен требовать полного государственного суверенитета и независимости. Вы понимаете, что это значит? Неужели вы не видите, какие жестокие увечья наносят нам, второму по численности народу Европы, неприспособленность

и теснота нашего жизненного пространства? Глобальный народ — это нация, которая независимо живет на своей территории и может постоять за себя с оружием в руках. Только такие нации суверенны в полном смысле этого слова. Таковы Россия, Соединенные Штаты, Англия — и это ни в коей мере не обусловлено природой занимаемых ими территорий. Такова — до определенной степени — Франция. Чем мы хуже них? ...Поэтому я и хочу создать для Германии такое жизненное пространство, чтобы мы могли защитить себя от любой военной коалиции. Конечно, в мирное время мы еще кое-как переберемся. Но речь идет не об этом, а о свободе действий во время войны. На войне мы фатальным образом зависим от внешних сношений. Мы зависим от международного товарообмена, и к тому же у нас нет выхода к океану — это все время обрекает нас на роль политически несамостоятельного народа. Нам нужно пространство, которое сделает нас независимыми от любых политических раскладов, от любых альянсов. На востоке нам нужно господствовать до Кавказа или до Ирана включительно. На западе нам нужно французское побережье Атлантики. Нам нужны Фландрия и Голландия. И, прежде всего, нам нужна Швеция. Мы должны стать колониальной державой. Мы должны стать морской державой, хотя бы одного уровня с Англией. Потому что, чем выше военно-технические требования, тем большая материальная база требуется для независимости. Мы не можем, подобно Бисмарку, ограничиться национальными интересами. Мы будем править Европой — или мы снова распадемся на удельные княжества. Теперь вы понимаете, почему я не могу ограничивать себя ни на западе, ни на востоке? (...)

Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 96–104